

В. М. Гаршин

**Избранные письма (1874-1887
годы)**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

В. М. Гаршин

Избранные письма (1874-1887 годы) / В. М. Гаршин – М.: Книга по Требованию, 2011. – 40 с.

ISBN 978-5-4241-2784-7

Избранные письма Всеволода Михайловича Гаршина за период 1874-1887 гг.

ISBN 978-5-4241-2784-7

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Гаршин Всеволод Михайлович
Избранные письма (1874-1887
годы)

Гаршин Всеволод Михайлович
Избранные письма 1874 - 1887 гг.

Е. С. Гаршиной 1)

9 ноября 1874 г. Петербург

<...> Надо вам сказать сначала, что с самой осени во всех учебных заведениях беспорядки. Сначала поднялись медики, потом университет, технологи, мы, Лесной институт <...>

Так как были причины быть недовольными, то сейчас же составила в буфете сходка, на которой решено просить начальство, чтобы оно распорядилось:

- 1) Открыть для студентов казенную библиотеку, в которую нас не пускают.
- 2) Открыть для них музей Горного Института, в который также не пускают.
- 3) Отсрочить взнос денег до 1 января и принять исключенных за невзнос.
- 4) Дать возможность студентам следить за раздачей стипендий, которых у нас 64 и которые часто даются людям, имеющим 100, 75, 50 р. в месяц.
- 5) Обезопасить от хватанья, тащенья и непущанья тех из нас, которые будут вести переговоры с начальством.

Как видите, желания очень скромные <...>

Валуев требует, чтобы студенты послали к нему депутатов по 3 - 4 с курса. Студенты депутатов послать боятся, опасаясь, что их посадят в кутузку. Хотят идти сами все или просят пожаловать к себе г. министра. Министр <...> говорит Кокшарову (директору): "если через полчаса беспорядки не прекратятся, гоните всех и запечатайте здание". Кокшаров обещал ему, что все кончится миром, пришел к нам, говорил с час, просьб, разумеется не исполнил <...> 2)

Что же оказывается? 2-е отделение I курса (я в первом отделении), II курс, III курс в числе двухсот слишком человек (всего у нас 384) исключаются <...> безвозвратно. Те из них, которые не имеют здесь отца или матери, подлежат (все) высылке на родину с жандармами.

Что и исполнено!

Выслали всех: больных, здоровых, виноватых, невинных. Были такие, что не были в институте ни в субботу, ни в понедельник, следовательно не могли принимать участия ни в чем. И они высланы. Всего схвачено и отправлено по этапу до 180 человек.

Я не могу больше писать. Когда я говорю об этом, я не могу удержаться от злых, судорожных рыданий.

10 ноября

Они сделали еще подлость. У них сила, но они и подлостью не брезгают. В среду они объявили, что те из студентов, которые в особом прощении изъявят покорность, будут оставлены без наказания <...> И они не исполнили обещания, когда 150 человек подали эти прошения. Это им нужно было только для того, чтобы выделить самых рьяных, которые, конечно, не подадут прошений.

В Горном институте оставаться мне теперь решительно невозможно. Введут матрикулы и за все, что покажется Трепову и Ко предосудительным, нас перехватят и уж не пошлют домой, а прямо засадят в шлиссельбургские, петропавловские и кронштадтские казематы 3). Остеречься невозможно; я писал вам, что даже не знавшие о демонстрации забраны и в жандармских полушубках посланы кто в Томск, кто в Одессу, кто в Темир-Хан-Шуру...

Е. С. Гаршиной

26 ноября 1874 г. Петербург

<...> Ваше письмо сначала навело меня на грустные мысли о том, как может человек s'aigrir, [озлобиться (фр.)] как вы пишете; но потом, раздумав, я предположил, что ваш усиленно ругательный (против молодежи) тон есть только средство меня успокоить. Вы пишете "дурачье"; дураки, действительно, потому что не поняли, что ни какая просьба, как бы невинна и логична она не была, не будет исполнена. Многие понимали это, я в том числе, бывший против демонстраций и кричавший против них. Но раз дело сделано, раз за это ничтожное, выеденного яйца не стоящее дело двести человек виновных и невинных, все равно, хватают ночью, как преступников, как воров, сажают в пересылочную тюрьму, к утру рассылают по всей земле русской "от финских вод до пламенной Колхиды" 4) по этапу и наконец бросают на произвол судьбы в незнакомом городе (как это было в Вильне и Нижнем), выдав на брата 15 копеек серебром; тут забудешь и слово "дурачье". Глупость молодежи бледнеет перед колоссальной глупостью и подлостью старцев, убеленных сединами, перед буржуазною подлостью общества, которое говорит: "что ж, сами виноваты! За 30 р. в год слушают лучших профессоров, им благодеяние делают, а они еще "бунтуют". Таково мнение Петербурга о последних историях.

Что бы они сказали, если бы 200 (из всех заведений 400) высланных по этапу были не студенты, а так себе, "обыватели"? Какие бы громкие разговоры были о хватании и ссылке без суда (ужасно!) и следствия (где же законы?!). Но для студентов, детей этого же общества, законы не писаны. Если бы нас стали вешать, то и тогда бы сказали: "сами виноваты".

С одной стороны власть, хватающая и ссылающая, смотрящая на тебя как на скотину, а не на человека, с другой - общество, занятое своими делами, относящееся с презрением, почти с ненавистью... Куда идти, что делать? Подлые ходят на задних лапах, глупые лезут гурьбой в нечаевцы 5) и т. д. до Сибири, умные молчат и мучаются. Им хуже всех. Страдания извне и изнутри...

А. Я. Герду 6)

Лето 1875 г. Старобельск

...Делаю довольно мало; это касается институтских занятий; вообще же я сижу за столом целое утро и исписываю весьма значительное количество бумаги. То, что я пишу, очень интересует меня и, будучи близко моему сердцу, доставляет хорошие минуты... Мои литературные замыслы очень широки, и я часто сомневаюсь в том, смогу ли исполнить поставленную задачу. То, что написано, моему, удачно; само собою разумеется, что я не могу не быть пристрастным, несмотря на самое строгое и недоверчивое отношение к своим силам... Но если я буду иметь успех?! Дело в том (это я чувствую), что только на этом поприще я буду работать изо всех сил, стало быть успех вопрос в моих способностях и вопрос, имеющий для меня значение вопроса жизни и смерти. Вернуться уже я не могу. Как вечному жиду 7) голос какой-то говорит: "Иди, иди", так и мне что-то сует перо в руки и говорит: "Пиши и пиши". Не подумайте, что это заставит меня бросить ученье.

Нет, я очень хорошо знаю, что будь я семи пядей во лбу, курс даже и Горного института мне необходим: ведь я совершеннейший еще невежда...

Р. В. Александровой 8)

30 октября 1875 г. Петербург

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Простите мне мою дерзость: я решил писать к вам. Хотя вообще подобные переписки принадлежат к числу вещей, на которые окружающие смотрят косо и подозрительно, но я не думаю, чтобы это могло служить непреодолимым препятствием к получению от вас нескольких строчек <...>

После этого краткого предисловия выражаю вам мой телачий восторг по случаю вашего поступления в Музыкальное Общество. Наконец-то вы если не на ногах, так на одной ноге!.. Напишите мне, что вы играли на пробу и какое впечатление произвели; матушка пишет, что все были в восторге, только я хотел бы знать это от вас самих: тогда я был бы более уверен, потому что вы себя никогда не хвалите.

Живу я однообразно, довольно скучно, но в полном душевном спокойствии. Видеть вокруг себя опять всё человеческие лица, слушать вещи, не приводящие каждую минуту в раздражение, не подвергаться опасности быть поставленным в положение, когда не остается ничего более делать, как воткнуть вилку в чье-нибудь толстое брюхо, - согласитесь, все это имеет свои приятности. Работаю много: утром в Институт, потом у Пузино учу мальчишку 7 лет грамоте, потом, в виде вознаграждения, обедаю у них же 9), потом домой, до 8 занятия; в 8 ч. приходит Володя Латкин с "Историческими письмами" Миртова, и мы читаем их вместе 10). Одному читать ни мне, ни ему невозможно: не хватит терпения, а книжку прочесть непременно нужно. В 11 ч. Миртов уносится, и я остаюсь один. Говорила ли вам матушка, что я, вероятно, буду сотрудничать в "Петербургском листке"? По случаю этого обстоятельства после 11 ч. я сижу еще часа по два-три и пишу. Задался мыслью изобразить, хотя отчасти, уездную жизнь в маленьких очерках; один уже готов ("Земское Собрание") и на этой неделе понесется в редакцию. Само собою, что матерьял беру отчасти из жизни нашего милого Старобельска <...>

Все бы было хорошо, если бы можно было хоть раз в неделю посмотреть на матушку с Женей 11), да (зачем скрываться?) на вас. Дороже у меня нет никого на свете.

Когда я виделся с вами последние дни в Старобельске, как тошно мне, как скучно было толковать о неизбежном Егоре Михайловиче и не менее неизбежной Глафире Васильевне, о Лебедевых, Ренчицких и прочей братье. Мне было вовсе не до них, мне хотелось просто молчать и смотреть на вас; мне казалось отчего-то, что вы не вырветесь из Старобельска и засядете на неопределенный срок в трясине, из которой одно замужество вырывает уездных барышен. Да и как большею частью вырывает? Вырывает, чтобы бросить в еще более грязную, глубокую яму, из которой нет уже спасенья. Я не говорю об исключениях; впрочем, в Старобельске я их не видел. Для тех, кто утратил в себе всякое внутреннее подобие божие, конечно, замужество идеал <...>

Р. В., неужели вы вырвались на год из Старобельска, чтобы снова попасть в него? И когда попасть! Когда хоть немного попробуете другого, свежего воздуха, когда легкие уже не перенесут удушливых миазмов, именуемых в нашем милом отечественном городе, неизвестно по какой причине, - жизнью.

Дорогая моя, пишите, бога ради! Если вам что-нибудь не нравится в моем письме, скажите. Я посокращусь. А то, в самом деле, не слишком ли я разоткровенничался с вами; впрочем, что же мне и скрывать-то от вас?..

Р. В. Александровой
27 ноября 1875 г. Петербург

<...> Я живу по-прежнему, так себе, потихоньку да полегоньку. Достал себе уроки: готовлю некоторую молоденькую и весьма миловидную девицу на экзамен домашней учительницы из арифметики и геометрии. Связываться с "Петербургским листком" я не решился, а сегодня снес маленькое произведение к А. С. Суворину (Незнакомец) 12). Принял он меня так хорошо и тепло, что я от него в восторге; мой очерк оставил для прочтения. Во вторник пойду на страшный суд. Что-то од скажет? Я не думаю покуда нигде печататься; с меня будет довольно только суворинского одобрения; писать начать всегда успеешь, был бы талант.

Страшно!..

<...>Весьма рад, что наконец вы с Глинкой познакомились; жаль только, что "Руслана" не играете. Это еще лучше "Жизни за царя" 13). Мы, т. е. наша компания, состоящая из восьми-девяти человек, ходим в театр еженедельно, с примерной аккуратностью. Я здесь семь недель, и был в опере тоже семь раз: "Фауст", "Жизнь за царя", "Руслан", "Тугеноты", "Тангейзер", "Фауст", "Русалка". Последнюю оперу видел в первый раз, и она мне очень понравилась.

Был раз на репетиции симфонического собрания и слушал симфонию Листа Divina Comedia, т. е. "Божественная комедия". Впечатление страшное. Первые аккорды, действительно, переносят вас прямо в ад. Ах, милейшая музыкантша, зачем вы не слышите настоящего хорошего оркестра! Что бы вы сказали! Никакой рояль, даже если и вы на нем играете, не может мне заменить несравненного Направника со ангелами его <...>

Сегодня четверг; до вторника осталось пять дней. Как только получу благоприятный ответ - сейчас же извещу вас и матушку. Ну, а если вдруг неблагоприятный?

Не скрою от вас, что он был бы для меня жестоким ударом...

Е. С. Гаршиной

5 марта 1876 г. Петербург

Дорогая мама!

Сейчас только Ольга Васильевна, моя сервантка 14), подала мне письмо от А. Жемчужникова, редактора "Молвы", письмо, где он пишет, что мой маленький очерк будет помещен в "Молве". Ликованию моему несть пределов. Очерк крохотный, микроскопический (я после ношения к Суворину сократил его), но ведь это первая напечатанная работа. Я чувствую то же, что чувствовал мой любимый герой, мастер Деви Копперфильд, когда его статья была принята.

Теперь уже некогда, а летом завалю "Молву" очерками Старобельской жизни. Быть может, вы или Женя раньше увидите Л "Молвы" с моим произведением, чем я вышлю вам его; вот вам его приметы. Название "Подлинная история Земского собрания". Подпись - Р. А. 15).

Летом напишу "Историю прогимназии", "Повесть о том, как поссорились Ст. Дм. с А. А.", "Интенсивная культура" <...>, "История N обители". План для этих очерков у меня составлен. Старобельск даст обильный матерьял <...>

Был я в Большом театре в русской опере. На "Анджело" мы не попали, ибо Каменская не достала нашей компании ложу, но зато она достала ложу на "Рогнеду" 16). Вы себе представить не можете, во что обратились русские певцы в хорошем зале! Это все какие-то феноменальные голоса. Оркестр тоже изменил-

ся совершенно. Solo на скрипке в Мариинском театре часто не замечаешь, так глухо звучит подлая зала, а здесь, в той сцене, когда Владимир видит сон, а Рогнеда с ножом в руке крадется к его постели за занавеску, скрипка Пиккеля, который должен выделывать здесь божественные пассажи, так резко, сильно врезывается в память, что я вот четыре дня хожу, а в ушах все эти скрипичные звуки.

И сама опера как хороша! Я вот в этом (учебном) году два раза ее слышал, да еще в прежнее время один раз, и еще бы пошел несколько. Мельников 17) - Владимир - хоть картину пиши...

Н. С. Дрентельну 18)

2 июня 1876 г. Харьков

Пишу я теперь с отчаяньем; вчера исписал несколько листов бумаги. Работа удовольствия не доставляет, скорее какое-то злбное, желчное чувство. Если это так пойдет всегда, то незавидная предстоит мне участь. А не писать не могу, да и что со мной будет без этого...

Н. С. Дрентельну

18 июня 1876 г. Харьков

За сообщение новостей из профессорского мира весьма благодарен, хотя, по правде сказать, электрофорная машина Теплова и соединение химического и физического обществ интересуют меня гораздо меньше, чем то, что турки перерезали 30000 безоружных стариков, женщин и ребят. Плевать я хотел на все ваши общества, если они всякими научными теориями никогда не уменьшат вероятностей совершения подобных вещей.

Р. В. Александровой

10 сентября 1876 г. Петербург

Ваше письмо, дорогой мой друг, и обрадовало меня и огорчило. Обрадовало, потому что оно такое хорошее, искреннее; огорчило, потому что я увидел, как вам скверно и тяжело. Господи, если б вы знали, как меня мучает полнейшая невозможность помочь вам чем-нибудь, кроме ободренья. Не смотрите так мрачно, подумайте, что ведь это долго тянуться не может, что у вас впереди непременно будет лучшее будущее, хорошая жизнь. Две-три капли воды, попав в гранитную скалу и не находя выхода, разрывают ее; неужели вы думаете, что ваше положение не такое же, как этих капель. Я всегда утешаюсь подобным образом: это уже чересчур скверно, и поэтому должно так или иначе кончиться. Логика тут мало, а правда есть <...>

Даю вам слово, что в эту зиму вы увидите мое имя в печати. Я должен идти по этой дороге во что бы то ни стало <...> Карьера горного инженера пугает меня. Я знаю многих из них; все разделяются на три категории: одни дельцы, загребающие деньги, чины, места; другие - свившиеся люди, третьи кандидаты во вторую категорию, люди хорошие, честные, страдающие из-за того, что стоят не у дела, а у пустого места. Да разве это не пустое место набивать мошну какому-нибудь неучу <...> Я чувствую в себе силы для известной деятельности, и ей отдаю свою жизнь...

Е. С. Гаршиной

11 марта 1877 г. Петербург

<...> Завтра в "Новостях" будет напечатан мой отчет о выставке в Академии художеств. Вероятно, я останусь при них навсегда, как художественный хроникер. Пришлю вам "Новости" непременно; газета хоть куда, хотя дешевая и, к

сожалению, платит дешево. Все-таки до лета успею заработать себе хоть на практические занятия, если нельзя достать свидетельство о недостаточном состоянии, которое придется все-таки брать <...>

Вчера был в типографии, держал "редакторскую" корректуру своей статейки. Типографская обстановка сделала на меня сильное впечатление; очень понимаю я, как можно втянуться во всю эту штуку...

Е. С. Гаршиной

12 - 13 апреля 1877 г. Петербург

Мамочка, я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули. Благословите меня. Вася тоже идет... 19)

Е. С. Гаршиной

5 мая 1877 г. Кишинев

Вчера утром, дорогая мама, мы приехали в Кишинев. К счастью нашему, 35 пехотная дивизия оказалась здесь. Вчера уже подали прошение. Сегодня ночью выстушаем в поход, пешком на Баштомак (на границе). Затем, через всю Румынию, в Баниас, местечко на Дунае, против Рушука. Вероятно будем брать его (Рушук).

В Баниас мы придем 28 мая, так что придется идти по 30 верст в день, делая дневки через два дня в третий.

Мы поступаем в роту к Ивану Назаровичу 20). Перезнакомились уже с десятком офицеров; все молодежь, пьет сильно; впрочем, кажется, есть порядочные люди. К нам отнеслись внимательно и с каким-то уважением. Хотелось бы поставить себя хорошо в полку...

Е. С. Гаршиной

13 мая 1877 г. Фальчи (на Пруте).

<...> Вчера вечером пришли мы в Фальчи, опоздав против маршрута на два дня. Дорога ужасная, дождь шел каждый день, чернозем размок. Ноги по колена в грязи. Выдерживаем мы с Васей поход так, что сами удивляемся. Правда, сделал 30 верст с ранцем (впрочем, почти пустым, бросаешься на что ни попало и спишь как убитый до самого "генерал-марша" (побудки). Наше положение сравнительно с солдатским еще очень хорошо: нас не посылают на работу вытаскивать обоз. А те пройдут 30 верст, да почти сейчас же идут назад верст за 5 вытаскивая на руках обоз из страшной грязи.

Спали мы покуда в деревянях в хатах, но, вступив в Румынию, нужно спать уже на биваках. Сегодня спали на воздухе в первый раз. Если не будет дождей, то это ничего. К тому же скоро выдадут палатки <...>

Если бог приведет вернуться, напишу целую книгу. Русский солдат - нечто совершенно необыкновенное...

Е.С. Гаршиной

26 мая 1877 г. Альбешты (в Валахии)

<...> Чтобы вы могли посмотреть на карте, где мы идем, вот вам некоторые пункты: Кишинев, Леово, Фальчи, Берлад, Текуч, Фокшаны, Рымник, Бузеу.

Иду я бодро, выдерживаю поход хорошо. Ни разу не отставал и не садился в фуру <...>

До сих пор еще из штаба дивизии не пришел приказ о нашем зачислении на службу; поэтому мы еще не получаем казенного "довольствия": хлеба и сухарей. В строю мы недавно и уже знаем все построения, так что завтра в Плоэшты будем

на смотру. Будет смотреть сам государь. Он обогнал нас третьего дня: мы шли пешком, а он по железной дороге, которая, начиная с Текуча, вдет рядом с нашим шоссе. Ужасно досадно смотреть на обгоняющие нас поезда с войсками. С привала, где мы отдыхали, нас подняли, вывели к полотну, выстроили в две шеренги (бригада заняла больше версты), и, простояв часа полтора, мы увидели царский поезд. Сам государь не показался, чем солдаты были крайне огорчены.

Идти вообще довольно трудно, особенно когда большие переходы. А у нас были подряд два перехода: 45 и 40 верст. Впрочем, физические трудности мне и не кажутся трудностями; внутренние мучения, как оказывается, гораздо мучительнее.

Никогда мне не приходит в голову мысль раскаяться в том, что я пошел в поход. Это такая хорошая школа, особенно для меня, которому нужно воспитание характера. Как я и ожидал, материалов для наблюдения оказалась бездна. Если бог вынесет, я буду знать, что делать. В том, что я сумею писать и буду иметь успех, я почти не сомневаюсь...

И. Е. Малышеву 21)

1 июня 1877 г. Бивуак в дер. Ваниас

<...> Дня через 3 или 4 идем на Дунай. Сделанный поход был не легок. Переходы доходили до 48 верст. Это - при страшной жаре, в суконных мундирах, ранцах, с шинелями через плечо. В один день из нашего батальона упало на дороге до 100 человек: по этому факту можете судить о трудности похода. Но мы с В. держимся и не плошаем. Хорошо, что теперь уже идем в очень легких костюмах: белые рубахи и штаны.

Е. С. Гаршиной

21 июня 1877 г.

Лагерь около Систова

<...> Хотя в бою мы не были, но чувство перед боем я испытал. В ночь на 18 мы были уверены, что будем драться. Ничего, не струсил, только волнение, сердце бьется чаще и ноздри раздуваются.

<...> Болгары в Систове встретили наших пластунов в восторгом, со слезами. Маленькие дети кидались им на шею <...>

Какая страна, какая природа! Виноград, абрикосы, персики, миндаль, грецкий орех. Всего много. Можно было бы здесь устроить рай земной; а что делается теперь!

Е. С. Гаршиной

21 июля 1877 г. Бивак у деревни Коцелево

<...> Вы, вероятно, знаете о бое 14 июля, в котором участвовали роты нашего (138) и Нежинского (137) полка. В бою были 1, 2, 6 и 2 стрелковые роты (7 и 8 стояли в резерве), а с нежинцами всего было в деле 9 рот. Турок было, говорят, до 5000 и на сильной позиции. Несмотря на то, они побиты... Убитых множество. Наши потери тоже немалы: 2-я стрелковая рота потеряла убитыми и ранеными - 52 человека! Правда, она пострадала больше других.

Здесь были лучшие турецкие войска, вооруженные превосходными ружьями (Пибоди и Мартини). Патронов они не жалели до того, что на позиции прямо стояли цинковые ящики с патронами.

В то время, когда был бой, наша рота стояла на аванпостах в другой стороне нашего бивуака. С нашего главного караула мы видели, как ушел наш батальон,

а скоро услышали и выстрелы (турки были за 12 - 15 верст, на самом Рушукско-Разградском шоссе). Если бы тревога случилась часом позже, мы были бы сменены шестой ротой и пошли бы в бой. Вместо этого мы остались на аванпостах на вторые сутки, а потом, когда пришли измученные роты, бывшие в деле, остались стоять и третьи сутки. Это было очень тяжело.

Турки были разбиты, но наши не остались на позиции, а ушли сначала на свой бивуак (где оставались мы), а потом и сюда, в Коцелево. Отсюда наш батальон ходил на место боя (верст 20 - 22) убрать мертвых, и я видел не особенно красивую картину <...> Но мы были вознаграждены за все - нашли раненого. Пять суток лежал он в кустах с перебитой ногой. Несколько раз турки ездили мимо него, но не замечали. Наконец 19 июля, через пять дней после боя, наша 6 рота набрела на несчастного. Его подняли и принесли в Коцелево. Жизнь его вне опасности. Вот уж именно спасшийся чудом! 22)

Теперь, кажется, нам долго еще не придется быть в деле. Не бойтесь за меня, дорогая мама! Кажется, я и вернусь, не побывав под пулями: видно, не судьба!..

Е. С. Гаршиной

13 августа 1877 г. 35-й дивизионный лазарет в Водице

Дорогая мама, я легко ранен при Аясляре, 11 августа. Рана пулей в ногу выше колена, по поперечному диаметру. Пуля прошла так счастливо между костью и артерией, что не задела ни той, ни другой. Опасности нет никакой, даже для ноги.

Сегодня едем в Белу, оттуда в Систово и т. д. до России.

Увидимся, быть может, через месяц.

О бое не пишу, было бы долго, да и из газет знаете. О себе скажу, что дрался я хорошо, даже выше своего ожидания...

В. Н. Афанасьеву 23)

12 сентября 1877 г. Харьков

Ежедневно ко мне являются разные посетители; жду скоро даже одного генерала. Десятки раз приходится мне повторять о нашем положении, о турках, как они вооружены, каково дерутся и пр., и пр. Надоело порядком. Надоело также и валяться. Уж второй месяц, как я нахожусь в горизонтальном положении, да кажется придется оставаться в нем еще не один месяц. Рана идет хорошо, но страшно медленно. Уж очень много мяса выхватила проклятая пуля...

В. Н. Афанасьеву

5 - 6 декабря 1877 г. Харьков

Послезавтра утром я уезжаю в Питер, без денег, больной, но все-таки еду. Очень уж захотелось Питера. Предвижу в нем немало для себя затруднений. Хотя литературная работа теперь для меня вполне обеспечена, но вот загвоздка: в 55 (кажется) Л "Летучего военного листка" есть приказ, воспрещающий "военнослужащим" всякое литературство. Но я буду писать, пока не посадят. К январской книжке, думаю, успею написать новенькое...

Неизвестному 24)

Конец декабря 1877 г. - начало февраля 1878 г. Петербург

Жильцы дома полковника Дементьева (по Английскому проспекту д. Л 5) не могли не обратить внимания на проживающую у полковника Д., в качестве прислуги, девушку Екатерину. Девушка эта восемнадцати или двадцати лет,